

23.00.02. Политические институты,
процессы и технологии
УДК 323.35
DOI 10.22311/2074-1529-2018-14-3-167-178

Ю. Дж. Джабраилов
РЦЭИ ДНЦ РАН, г. Махачкала

ВНУТРИКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН В СВЕТЕ ЭТНОКОНТАКТНОЙ СИТУАЦИИ

ДЖАБРАИЛОВ Юсуп Джабраилович —

канд. полит. наук, ст. науч. сотр. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского научного центра Российской академии наук (РЦЭИ ДНЦ РАН) (367000, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, д. 45).
E-mail: y.djabrailov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается специфика взаимосвязи этнической и религиозной идентичности в Дагестане постсоветского периода. Подчеркивается, что, несмотря на наднациональный, интегрирующий характер ислама, современные этнически маркированные социально-экономические проблемы влияют на этноконтактную ситуацию и препятствуют внутриконфессиональной сплоченности мусульман республики.

Ключевые слова: религия, духовенство, этнос, этнический конфликт, внутриконфессиональные отношения, земельные споры.

Для цитирования: Джабраилов Ю. Дж. Внутриконфессиональные отношения в Республике Дагестан в свете этноконтактной ситуации // Ислам в современном мире, 2018; 3: 167–178;

DOI: 10.22311/2074-1529-2018-14-3-167-178

Статья поступила в редакцию: 01.07.2018

Статья принята к публикации: 10.08.2018

В современном мире религия и этничность как базовые виды социальной идентичности всегда оказываются в центре различных глобальных и локальных конфликтов, имеющих, как правило, политические и экономические корни. В этом отношении не является исключением и такой полиэтнический субъект Российской Федерации, как Республика Дагестан, где и этнический, и религиозный факторы оказывают значительное влияние на социальную и политическую сферы общества. Среди основных индикаторов общественно-политической стабильности в Республике Дагестан особое место в настоящее время занимают процессы, протекающие именно в области межнациональных и внутриконфессиональных отношений.

По этой причине довольно высокий научный интерес представляет исследование взаимосвязи религиозного и этнического компонентов в республике. Прежде всего мусульманской религии, с которой идентифицирует себя большинство населения. В Дагестане ислам оказал огромное влияние на формирование этнокультурных традиций его народов.

Многие отечественные ученые признают тесную связь религиозной и этнической сфер. В своих научных работах они рассматривают этноконфессиональное как «целостный интегральный социокультурный феномен на основе взаимопроникновения, симбиоза этнического и религиозного»¹. При этом характеризуют данный феномен как отличающийся большой устойчивостью².

Отношение к национальному вопросу в мусульманской религии базируется на двух аксиоматических положениях. Первое — разделение и противопоставление людей по национальному признаку недопустимо и считается особенностью джахилийского (доисламского) самовосхваления. *«И тот, кто, гневаясь за (свой) род, или призывая (других людей сражаться) за (свой) род, или оказывая помощь (членам своего) рода, будет сражаться под знаменем (людей, поражённых) слепотой, и погибнет, погибнет так же, как погибали в эпоху джахилии»*³. Второе — Всевышний разделил людей на племена и народы, чтобы они перенимали друг у друга позитивный опыт общественной организации и культурных достижений. *«О люди! Воистину, Мы создали вас из мужчины и женщины и сделали вас народами и племенами, чтобы вы узнавали друг друга, и самый почитаемый перед Аллахом среди вас — наиболее богобоязненный. Воистину, Аллах — Знающий, Ведающий»*⁴.

¹ Примаков В.Л., Половнев А.В. Исследование этноконфессиональных отношений в России: теория, методология, методика. М., 2011. С. 15.

² Козлов В.И. Современные этнические процессы в СССР. Советская этнография. 1969. № 2. С. 68.

³ Муслим 1848. Энциклопедия хадисов. [Электронный ресурс] // URL: <http://hadis.info/hadis-o-tom-kto-umret-podobno-tomu-kak-umirali-vo-vremya-dzhaxilii/26461/> (дата обращения: 26.04.2018).

⁴ Сура 49, аят 13. Перевод Корана Э. Кулиева. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.falaq.ru/quran/kuli/49> (дата обращения: 14.03.2018).

Таким образом, ислам представляет собой наднациональную духовно-ценностную концепцию, ориентированную на социальное равноправие, высокую нравственность, заботу и внимание к окружающим, бережное отношение к природе и т. д.

О взаимосвязи этнического и религиозного размышляет Д. Мухетдинов в своей книге «Российское мусульманство: традиции уммы в условиях евразийской цивилизации». Так, он считает, что «не имеет значения, к какому народу принадлежит человек, главное — его принадлежность к умме. Подобное решение проблемы выглядит привлекательным, и формально оно может быть признано верным, однако тут мы имеем дело, скорее, с заданием, чем с данностью. Речь идет о некоем идеалистическом воззрении, а не о реальном положении дел»¹.

В принципе для немалой части населения республики приоритет религиозной принадлежности — это скорее этнокультурная идентификация, чем глубокое осознание и следование единым вероучительным нормам. Люди вполне сознательно относят себя к категории верующих, но такая идентичность по ценностно-смысловым параметрам носит формальный или даже условный характер².

Особенно отчетливо этнический мотив в конфессиональной сфере проявился вскоре после распада Советского государства, когда отдельные религиозные активисты попытались на территории республики создать ряд национальных духовных управлений. Эти попытки не получили широкой поддержки, и в дальнейшем на законодательном уровне был наложен запрет на регистрацию «более одной республиканской религиозной организации одного и того же вероисповедания... создание исламской республиканской религиозной организации по национальному признаку»³.

В некоторых научных публикациях данные тенденции были описаны как противостояние горцев-аварцев, доминирующих в Духовном управлении мусульман Дагестана (ДУМД), и оппозиции в лице равнинных тюркоязычных кумыков и лезгиноязычного юга⁴.

Тем не менее в начале 2000-х годов была предпринята попытка создания параллельного ДУМД — вероятно, не без поддержки отдельных политических сил, недовольных усилением влияния республиканской

¹ Мухетдинов Д. Российское мусульманство: традиции уммы в условиях евразийской цивилизации. М., 2016. С. 31.

² Абакаров Р. И. Проблема формирования элементов ценностного и нормативного мировосприятия в современном Дагестане: теоретические и практические аспекты // Роль региональных политиков в становлении современной российской государственности. Махачкала, 2012. С. 175.

³ См.: Закон РД «О свободе совести, свободе вероисповедания и религиозных организациях». Принят Народным Собранием Республики Дагестан 30 декабря 1997 (Ст. 10, п. 6)

⁴ Мацузато К., Ибрагимов М.-Р. Тарикат, этничность и политика в Дагестане // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 10.

религиозной организации. Основным аргументом стало то, что ДУМД является «аварским».

На что ДУМД опубликовало административный список работников своей организации с указанием их национальной принадлежности. Оказалось, что из 39 работников ДУМД 14 — это аварцы (около 30% населения Дагестана), 6-даргинцы (15%), 6 — кумыки (более 10%), 4 — лакцы (около 10%) и так далее. С 1994 года муфтием республики является представитель аварской национальности, при этом у него пять заместителей разных национальностей, в том числе азербайджанец (представитель шиитского джамаата)¹.

Нужно отметить, что на территории республики религиозное сознание населения сохранилось в различной степени. В горной части республики в советский период не прекращалась скрытая деятельность суфийских шейхов. Здесь, например, в отличие от южной ее части, репрессивная кампания относительно духовенства в целом была не очень жесткой, лояльность местного населения, граничащая с поддержкой, позволила, хотя и в ограниченно, но организовать подпольно образовательный процесс и не прерывать цепочку передачи религиозных знаний от поколения к поколению. Это обусловило изначально значительную диспропорцию в этническом составе религиозных деятелей нового, постсоветского поколения. С закреплением в стране свободы совести и свободы вероисповедания как важных норм нового демократического порядка в Дагестане начался процесс реисламизации, который оказался этнически выраженным. Наиболее интенсивно он протекал среди аварцев, чуть менее — среди даргинцев, кумыков, намного слабее — среди других этносов. Согласно последним социологическим данным проявление религиозной идентичности у дагестанских этносов постепенно выравнивается².

Таким образом, среди сплотившихся вокруг республиканской исламской организации улемов и простых мусульман в этническом плане преобладали представители аварской национальности. Как мы понимаем, новый общественный институт больше всего нуждался тогда в поддержке всех социальных и этнических групп населения. Можно сказать, что доступ к исламской организации был закрыт только для последователей ваххабизма, с которыми велись напряженные теологические диспуты. Основными каноническими вопросами, по которым не удалось достичь компромисса, были допустимость в исламе тауассуля (посредничество в актах мольбы к Всевышнему), маулида (празднование дня рождения пророка Мухаммада), зийара (посещение могил пророков

¹ Гамзатова П. Разоблачение ДУМД часть-3. [Электронный ресурс] // URL: http://islam-dag.ru/publ/raznoe/razoblochenie_dumd_chast_3/3-1-0-142 (дата обращения: 5.04.2018).

² Шахбанова М. М., Нурилова А. З. Специфика проявления религиозной идентичности дагестанских народов // Вестник института ИАЭ. 2015. № 1. С. 141–151.

и их сподвижников, крупных ученых и святых (аулийа), а также живых суфийских шейхов) и строгое следование мазхабу.

Причины обособления от ДУМД части алимов и следующих за ними общин традиционного ислама, скорее всего, различны: в одних случаях — это амбициозность и желание самостоятельности, в других — все-таки этнические мотивы.

Возникновение этнополитических предпосылок внутриконфессиональной разобщенности связывают с избранием в 1990 году муфтием РД кумыка Багаутдина Исаева и проявлением с его стороны сочувственного отношения к кумыкскому национальному движению, а также с непосредственным участием его в Чрезвычайном съезде движения. Это не осталось незамеченным религиозными деятелями других национальностей и в дальнейшем вылилось в силовое смещение Б. Исаева с высокого поста¹.

Возрождение исламских традиций, знаний и элит в республике совпало с активностью национальных движений в общественно-политической жизни. Возникшие с целью развития и защиты этнической культуры, языка, обычаев и традиций, многие из них подверглись политизации и скатились на позиции национализма, что в немалой степени поспособствовало актуализации проблемы взаимосвязи и взаимовлияния этнического и религиозного факторов.

В настоящее время вопрос перекося этнического представительства в Духовном управлении теряет свою актуальность. В муфтияте РД не ведется специального учета национальной принадлежности сотрудников. По словам представителя муфтията по связям с общественностью М. Магомедова, отделы централизованной религиозной организации в настоящее время возглавляют: фетв — кумык, маслаа-та — даргинец, науки и образования — аварец, просвещения — ногаец. 1-й зам. муфтия — кумык, председатель Совета имамов Махачкалы — кумык, имам самой крупной в республике Джума-мечети — лакец. Также в структуре муфтията можно выделить институт «районных имамов», где работают выходцы из соответствующих муниципальных образований, — каждый — представляющий свои народы.

Однако активисты региональных общественных организаций, рассматривающие вопросы политико-правового статуса равнинных этносов, по-прежнему указывают на то, что непропорциональное этническое представительство является основой неэффективности деятельности ДУМД².

¹ Эмирова М.Н., Умалатова Т.Х. Роль национальных движений в политических процессах Дагестана в 90-х гг. XX в. // Известия ДГПУ. 2011. № 4. С. 47.

² Джабраилов Ю.Д. Экспертный взгляд на особенности этнических и конфессиональных отношений в Дагестане, специфику их взаимодействия // Религиозное измерение этнополитических процессов. Махачкала, 2017. С. 260.

Эта непреклонность в оценке официального духовенства, на наш взгляд, во многом объясняется непринятием муфтиятом РД конкретных религиозных фетв по земельному вопросу, не имеющему простого решения.

Духовное управление республики, нацеленное на общедагестанскую консолидацию, действительно, не выносит конкретных фетв относительно земельных споров. Осторожность духовенства в данном вопросе объясняется, на наш взгляд, тем, что шариатское решение, возможно, потребует государственных гарантий и материальных компенсаций, а складывающаяся система государственно-конфессиональных отношений в республике не предполагает участия духовенства в государственной деятельности.

К тому же официальное духовенство, особенно в последние годы, старается избегать спорных тем, вызывающих недопонимание и обиды между улемами, суфийскими шейхами традиционного ислама. Подобная политика приносит довольно ощутимые плоды в виде вхождения в состав Совета улемов республики ранее оппозиционно настроенных шейхов и ученых-богословов. Показателен в этом отношении пример имама одной из крупных мечетей Махачкалы Идрисхаджи Исрапилова (1940–2017), известного своей независимостью от ДУМД, написавшего незадолго до своей смерти стих (назм)¹ в честь нынешнего муфтия РД Ахмадхаджи Абдуллаева, в котором тот признается имамом Дагестана, истинным суфийским шейхом.

Периодическое напряжение этноконтактной ситуации в некоторых районах республики обусловлено территориальными вопросами. Наиболее остро они проявляются в связи с восстановлением Ауховского района РД, а также с территориальными спорами на землях отгонного животноводства.

В Дагестане исторически все межобщинные и внутриобщинные конфликты развивались в основном вокруг земельных вопросов. На современном этапе территориальные споры в ряде муниципальных образований республики начали оказывать негативное влияние на межнациональные отношения. Дело в том, что в советский период в целях развития агропромышленного хозяйства республики проводилось масштабное переселение жителей горных районов на равнинные территории. В послевоенное время в обоснование планового переселения горцев на равнину было принято постановление Совета Министров СССР от 10 марта 1951 г. «О мерах по подъему сельского хозяйства в Дагестанской АССР»².

¹ Распространенная в мессенджерах копия имеется у автора.

² См.: Карнов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — в начале XXI вв.: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. С. 115.

Борьба с религией в прошлые годы, ошибки администрирования и современные проблемы реформирования социально-политической жизни в условиях разнообразия этнокультурных традиций местных народов не могли не отразиться на внутриконфессиональной сплоченности мусульман республики.

Плановое переселение жителей республики на равнину в советский период фактически носило принудительный характер. Особенно свежи в памяти старшего поколения дагестанцев трудности, перенесенные ими в ходе переселения на земли депортированных народов. С реабилитацией чеченцев большинство переселенцев переместились на дагестанскую равнину, где государство гарантировало им минимальное развитие дорожной и иной инфраструктуры.

Таким образом, на равнине образовалось три группы сел, «в которых имеется горское население: села, входящие в состав равнинных районов; села, входящие в состав горных районов; села, не имеющие никакого муниципального статуса»¹.

Последние две группы сел образовались на равнине в соответствии с действовавшей до недавнего времени хорошо налаженной системой сезонной миграции, при которой жители горных районов переселялись сюда для зимовки в целях выпаса мелкого рогатого скота. На зимних стоянках (кутанах) постепенно сформировались целые поселения, не входящие в состав соседних муниципальных районов.

С нарушением системы отгонного животноводства усилилось этнически окрашенное социальное напряжение, связанное с возможным изменением административного статуса населенных пунктов, расположенных на землях отгонного животноводства.

В настоящее время все земли отгонного животноводства в Дагестане находятся в республиканском подчинении. Но в Народном Собрании РД уже обсуждается новый законопроект о землях отгонного животноводства и о статусе образованных на них населенных пунктов. Это может означать, что земли отгонного животноводства могут потерять особый статус и, возможно, будут закреплены за поселениями.

Результаты социологических исследований показывают противоречивое отношение дагестанцев к обозначенной земельной реформе: ее «с одной стороны, характеризуют позитивно, а с другой — усматривают заложенный в ней конфликтный потенциал»².

Представители равнинных народов заявляют о своей этнической дискриминации, которая начиная с 50–60-х годов XX века угрожает

¹ Казенин К. Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. М., 2012. С. 17.

² Абдулагатов З.М., Шахбанова М.М., Гимбатова М.Б. Земельная реформа в Республике Дагестан: проблемы, противоречия и оценки в общественном сознании дагестанских народов // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 3. С. 79.

их этнокультурному самосохранению и выживанию. Они считают, что «в результате политики властей последних десятилетий хозяйства горных районов в расчёте на одного жителя имеют земли гораздо большие, чем хозяйства равнинные районов»¹.

Фактическое положение жителей самих кутанных (бесстатусных) сел можно сравнить с положением людей, оторванных от мира, с вытекающими отсюда проблемами обеспечения им соответствующих условий для проживания. Безусловно, они выступают за узаконивание своего места жительства.

Несмотря на сходство традиционного уклада и культуры дагестанских народов, единую религию, в их самосознании крепки представления о границах общинных и/или этнических территорий. Этнический конфликт здесь может рассматриваться только в ракурсе земельных отношений, в реальности же какой-либо исконной межэтнической неприязни между народами не существует. Этничность сама по себе не порождает конфликт, но обуславливает его эскалацию, когда хотя бы одна из сторон социально-экономического, политического и иного конфликта мобилизуется только на основе этнической общности.

Наиболее оптимальным решением проблемы, на наш взгляд, было бы включение кутанных поселений и земель отгонного животноводства в состав равнинных районов. Такое развитие ситуации позволило бы снизить накал страстей вокруг земельного вопроса, а жителям кутанных поселений — решать свои насущные дела в близлежащих муниципальных районах. Однако этот вариант не устраивает руководителей горных районов, поскольку сопряжен с сокращением численности населения и соответственно — бюджетных средств. Равнинным муниципальным районам, наоборот, такой ход развития событий сулит увеличение муниципального бюджета и территорий, но изменение этнического состава населения.

Другие варианты — включение кутанных поселений и земель отгонного животноводства в состав горных районов или закрепление за ними статуса самостоятельного отдельного муниципального образования — имеют сложности в администрировании и не меньшие риски социальной напряженности.

В связи с этим эксперты приходят к выводу о невозможности и опасности реализации вариантов решения проблем, связанных с изменением границ муниципальных районов: «...оздоровление ситуации на отгонных землях может идти только в режиме “ручного управления”, путем решения локальных проблем, путем конкретных шагов по улучшению ситуации в конкретных селах»².

¹ Агаев М. Бомба — в земле // Черновик. От 6.11. 2015. № 44. С. 19.

² Казенин К. Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. С. 49.

Противоречивость ситуации состоит в том, что без юридически обоснованных подходов процесс разрешения конфликтных ситуаций невозможен. Продолжение вялого противостояния между общинами приведет, на наш взгляд, к тому, что каждая из сторон будет предлагать варианты решения проблемы, исходя исключительно из узкоэтнических интересов, и, следовательно, напряженность будет только нарастать.

В то же время довольно часто отдельные религиозные деятели вовлекаются в этнополитические процессы. Об этом говорит некролог, подписанный после убийства одного из кумыкских лидеров главами и имамами десяти кумыкских селений Хасавюртовского района: «Сегодня нам уже вполне очевидно, что дискриминационная кадровая политика, политика захвата кумыкских земель, политика уничтожения уже нескольких поколений кумыкских лидеров — все это звенья одной цепи, согласованная, тщательно продуманная, циничная антикумыкская политика»¹.

Порой они сами выступают с тезисами, усиливающими националистические настроения. Об этом свидетельствуют выдержки из выступления на митинге в Махачкале известного богослова республики Ильясова Ильяс-хаджи (1947–2013): «...Сегодня кумыкский народ находится наподобие сироты. Если мы как нация и народ хотим выжить и жить достойно, то мы должны идти другим путем. Ибо на митингах ничего не решается», «К сожалению, не только в России, но даже в самом Дагестане кумыки так и не осознали, что они утратили свою Родину и находятся на положении ущемленного во всех правах населения»².

Следовательно, политизация земельного вопроса не только приводит к усилению напряжения в этноконтактной ситуации в республике, но и препятствует тесному сотрудничеству мусульманских деятелей. То есть социально-экономические проблемы из государственной сферы перетекают в межэтническую плоскость, а из межэтнической — во внутриконфессиональную.

Таким образом, ущемление тех или иных этнических позиций социально-экономического характера в полиэтническом регионе может стать фактором напряженности во внутриконфессиональных отношениях.

¹ Заявление кумыкской общественности Хасавюртовского района. [Электронный ресурс] // URL: <http://kumukia.ru/?id=1184> (дата обращения: 26.03.2018).

² Выступление Ильяс-хаджи Ильясова на митинге 26.03.2013.. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ThkKkuj7EcE> (дата обращения: 19.03.2018).

Литература

Абакаров Р.И. Проблема формирования элементов ценностного и нормативного мировосприятия в современном Дагестане: теоретические и практические аспекты // Роль региональных политиков в становлении современной российской государственности: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной памяти М.М. Гусаева, З.С. Арухова, Г.М. Курбанова, 23 декабря 2011 года. Махачкала: Наука ДНЦ, 2012. 427 с.

Абдулагатов З.М., Шахбанова М.М., Гимбатова М.Б. Земельная реформа в Республике Дагестан: проблемы, противоречия и оценки в общественном сознании дагестанских народов // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 3. С. 70–82.

Агаев М. Бомба — в земле // Черновик. 2015. № 44. С. 19.

Джабраилов Ю.Дж. Экспертный взгляд на особенности этнических и конфессиональных отношений в Дагестане, специфику их взаимодействия // Религиозное измерение этнополитических процессов: научное издание / под общ. ред. проф. Н.Э. Казиева. Махачкала: РЦЭИ ДНЦ РАН, 2017. 368 с.

Казенин К. Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. М., 2012. 176 с.

Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI в.: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. 438 с.

Козлов В.И. Современные этнические процессы в СССР. Советская этнография. 1969. № 2. С. 60–72.

Мухетдинов Д. Российское мусульманство: традиции уммы в условиях евразийской цивилизации. М., 2016. 84 с.

Мацузато К., Ибрагимов М.-Р. Тарикат, этничность и политика в Дагестане // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 10–23.

Примаков В.Л., Половнев А.В. Исследование этноконфессиональных отношений в России: теория, методология, методика. М., 2011. 252 с.

Шахбанова М.М., Нурилова А.З. Специфика проявления религиозной идентичности дагестанских народов // Вестник института ИАЭ. 2015. № 1. С. 141–151.

Эмирова М.Н., Умалатова Т.Х. Роль национальных движений в политических процессах Дагестана в 90-х годах XX в. // Известия ДГПУ. 2011. № 4. С. 43–49.

References

Abakarov R. I. (2012). Problema formirovaniya ehlementov cennostnogo i normativnogo mirovospriyatiya v sovremennom Dagestane: teoreticheskie i prakticheskie aspekty [Problem of Formation of Elements of Valuable and Standard Attitude in Modern Dagestan: Theoretical and Practical aspects]. *Rol' regional'nyh politikov v stanovlenii sovremennoj rossijskoj gosudarstvennosti: materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj pamyati M. M. Gusaeva, Z. S. Aruhova, G. M. Kurbanova, 23 dekabrya 2011 goda*. Mahachkala: Nauka DNC. 427 s.

Abdulagatov Z. M., Shahbanova M. M., Gimbatova M. B. (2017). Zemel'naya reforma v Respublike Dagestan: problemy, protivorechiya i ocenki v obshchestvennom soznanii dagestanskih narodov. [Land Reform in the Republic of Dagestan: Problems, Contradictions and Estimates in Public Consciousness of the Dagestan People]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ehkonomiki*. 2017. No. 3. Pp. 70–82.

Agaev M. Bomba v zemle [Bomb in the Land]. *Chernovik*. 2015. No. 44. P. 19.

Dzhabrailov Yu. D. (2017). Ehkspertnyj vzglyad na osobennosti ehlnicheskikh i konfessional'nyh otnoshenij v Dagestane, specifiku ih vzaimodejstviya [Expert View of Features of the Ethnic and Confessional Relations in Dagestan, and of Their Interaction]. *Religioznoe izmerenie ehnpoliticheskikh processov: nauchnoe izdanie*. Mahachkala: DNC RAN. 368 p.

Ehmirova M. N., Umalatova T. H. (2011). Rol' nacional'nyh dvizhenij v politicheskikh processah Dagestana v 90-h gg. XX v. [The Role of National Movements in Political Processes of Dagestan in the 1990s]. *Izvestiya DGPU*. 2011. No. 4. Pp. 43–49.

Kazenin K. (2012). *Ehlementy Kavkaza. Zemlya, vlast' i ideologiya v sever-okavkazskih respublikah*. [Elements of the Caucasus. Land, Power, Ideologies in the North Caucasian Republics]. Moscow. 176 p.

Karpov Yu. Yu., Kapustina E. L. (2011). *Gorcy posle gor. Migracionnye processy v Dagestane v XX — v nachale XXI vv.: ih social'nye i ehlnokul'turnye posledstviya i perspektivy*. [Mountaineers after Mountains. Migration Processes in Dagestan in XX — the Beginning of the XXI Centuries: Its Social and Ethnocultural Future Consequences]. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2011. 438 p.

Kozlov V. I. (1969). Sovremennye ehlnicheskie processy v SSSR. [Modern ethnic processes in the USSR]. *Sovetskaya ehlnografiya*. 1969. No. 2. Pp. 60–72.

Muhetdinov D. (2016). *Rossijskoe musul'manstvo: tradicii ummy v usloviyah evrazijskoj civilizacii*. [Islam in Russia: Traditions of Ummah in the Conditions of the Eurasia Civilization]. Moscow. 84 p.

Macuzato K., Ibragimov M.-R. (2006). Tarikat, ehtnichnost' i politika v Dagestane [Sufism, Ethnicity and Policy in Dagestan]. *Ehtnograficheskoe obozrenie*. 2006. No. 2. Pp. 10–23.

Primakov V. L., Polovnev A. V. (2011). *Issledovanie ehtnokonfessional'nyh otnoshenij v Rossii: teoriya, metodologiya, metodika*. [Studies of the Ethnoconfessional Relations in Russia: Theory, Methodology, Technique]. Moscow. 252 p.

Shahbanova M. M., Nurilova A. Z. (2015). Specifika proyavleniya religioznoj identichnosti dagestanskih narodov [Features of Manifestation of Religious Identity of the Peoples of Dagestan]. *Vestnik instituta IAE*. 2015. No. 1. Pp. 141–151.

Islam in the Social and Political Life of States and Peoples

THE INTRACONFESSIONAL RELATIONS IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN IN THE CONTEXT OF CONTACTS OF ETHNIC COMMUNITIES

Abstract. In this article the author studies the specifics of correlation between ethnic and religious identities in Dagestan of the Post-Soviet period. It is emphasized that, despite the supranational and integrating character of Islam, the modern ethnically marked social and economic problems influence on the relations between ethnic communities more their common religious ideology.

Keywords: religion, clergy, ethnos, ethnic conflict, intraconfessional relations, land disputes.

Yusuf D. Djabrailov,

Cand. Sci. (Polit.), senior research scientist, Regional Centre of Ethnopolitical Studies, Dagestan Scientific Centre, Russian Academy of Sciences (RAS).

(45, Magomed Gadzhiev Str., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367000, Russian Federation).

E-mail: y.djabrailov@yandex.ru

